

ЯНВАРЬ В НОВОМ АФОНЕ

Выходит человек и видит черный снег,
И лучше срифмовать уже нет силы.
Печаль светла, но длится целый век,
От моря тянет, словно из могилы.

Налево повернешь — сверкнет абхазский нож.
Зрачки красней мороженой рябины.
По снегу как ошпаренный идешь.
И снятся, кто мертвы, но так любимы.

И горы впереди на каменных клешнях,
Могучие, как профиль богатырский:
Спускаются с небес и гаснут на углях
У кельи монастырской.

НА ГОРЬКОМ ЯЗЫКЕ

I

Планы на первую пенсию:
Собраться без танцев, но с песнею
И двинуть на пасмурный юг
В самолете Москва—Каюк.

В иллюминаторе — облако.
Вышло всё, видишь, вона как!
Скрутило напололам,
Но буквы — не отдам.

Это мои клинки, мои станки,
Мои здоровые позвонки,
Они еще не хрустят, огнем не горят в ответ.
Буквам сносу нет...

Владимир Николаевич Косогов родился в 1986 году в г. Железногорске Курской области. Окончил филологический факультет Курского государственного университета. Публиковался в журналах «Нева», «Сибирские огни», «Москва». Лауреат международного литературного Волошинского конкурса. Победитель литературного конкурса «Заблудившийся трамвай» им. Николая Гумилева. Живет в Курске.

II

И звезда не говорит со мною,
Как с другой звездой.
Кран пищит с холодной водою,
Неживой водой.

Пленники храпят на всю палату,
Сестры тоже спят.
Но ко мне относятся как к брату:
Нищий духом — свят.

Всё начну с начала, но сначала
Выиграть смертный бой,
Чтобы не испачкать покрывало
Кляксой кровавой.

Чтоб летели молнии, гремело
Небо и земля.
Чтобы обездвиженное тело
Верило в себя.

Чтобы встали пленники с кровати,
Слыша этот гром,
Летней духоты, как Благодати,
Выпить перед сном.

III

Выходишь в коридор
Побыть опять никем,
Уставишься в упор
В дурацкий манекен:

Не крутит головой,
Пластмассовой ногой
Не дергает. На кой
Остался он такой?

Покурим на двоих?
Но манекен пропал
В палате для кривых
Людей или зеркал...

IV

Ушли и свет не погасили.
Одна на всем материке
Мерцает лампочка Мессии
На оголенном проводке.

К чему метафоры такие,
Где смысла не поймаешь в сеть?
Раз не возьмет анестезия,
На проводочке мне висеть...

Не для того, чтоб боль в суставах
Прошла и выпрямило грудь.
А просто есть такое право —
Уйти и лампочку свернуть.

V

Раба Божия новопреставленного Николая
встречают братья Петр, Сергей, Иван.
Загробную жизнь именно так представляю —
мягкий диван,
сидят вчетвером, о прошлом талдычат сказки,
сад-огород, прочая ерунда.
Был Николай в завязке,
не помогла даже живая вода.
Душу, к Тебе отошедшую с истинной верой,
по совести упокой.
Порохом станет память, а время — серой:
задача по химии, писанная Лукой.

VI

Шершавой проведешь ладонью
мне по лицу, когда опять
из светотени заоконной
войдешь и сядешь на кровать.

Бульон из двухлитровой банки
поможешь в кружку перелить,
застынешь взглядом на каталке,
мол, что поделать — надо жить.

«Что принести тебе на утро?
Поговори со мной, сынок!»
Я головой мотаю, будто
ни слова разобрать не смог.

Ведь это же не ты со мною
заговорил на языке
предсмертной радости с любовью?
На самом горьком языке.

На нем обученный молчанью,
боюсь иссушенной гортанью
произнести в последний раз:
«Не оставляй — несчастных — нас».

Побудь со мной еще, покуда
хватает сил не звать врача.
Я скоро выпишусь отсюда,
хребет надломленный влача.

* * *

Нас токарить учили в УПК...
Станки, глотая медные «окурки»,
Выплыввали из-под резака
«Патроны» и свистульки,

Клинцы на грабли, прочий ширпотреб,
Загубленный неточной настройкой,
На дно картонной тары, точно в склеп,
Отправлены учительскою двойкой.

Хрусти, подшипник, дергайся, рычаг.
Сорвись, резьба, на десять лет к началу,
Где я еще над книгой не зачах
Очередной бракованной деталью.

Вот потому я токарем не стал,
В слепом цеху, позолоченном стружкой,
Словесный неподатливый металл
Кромсая авторучкой...

* * *

Оглянись: твоя ли это старость
Дребезжит посудой пустой?
Много ли стихов еще осталось
Записать в небесный обходной?

Узнаешь звериный этот почерк:
«В» с горбинкой, сплюснутую «К».
Успокою близких между строчек —
Это просто дернулась рука...